

Проф. д-р Йозеф М. Шмидт (Германия)

Гомеопатия и наука

Український гомеопатичний щорічник, 2008, XI, с. 19–27

<http://www.homeoint.ru/homeopathy/essence/schmidt2.htm>

Введение

Ровно 200 лет назад, в 1807 году, Самуэль Ганеман придумал термин "гомеопатический", чтобы назвать им недавно обнаруженный метод лечения. Принцип, на котором он был основан, а именно лечение болезней средствами, которые в так называемых прувингах препарата вызывают подобные признаки у здоровых людей, был уже опубликован Ганеманом в 1796 г. (*Similia similibus*). Однако даже в 1805 году, когда он представил свою новую доктрину в виде монографии, он все еще называл ее просто "опытной медициной". Лишь в 1807 г. он назвал эффект определенных целебных средств "гомеопатическим" и определил термин следующим образом: "Гомеопатический — такой, который склонен вызывать *hómoion páthos*, то есть подобную болезнь". Так в 1807 г. гомеопатия официально получила свое название, впервые явив собой определенного рода сущность (реальность), которая, в свою очередь, была предпосылкой для последующего пути через историю по всему миру.

Несмотря на внушительную карьеру гомеопатии в отношении ее внешнего пространственно-временного распространения и институционализации, внутренние проблемы в отношении ее содержания не могут быть оставлены без внимания даже в день ее двухсотлетия. Как показали дебаты по гомеопатии, начатые Джулианом Уинстоном и др., на этот фирменный знак претендуют так много различных групп и подходов, что стало трудно найти общий знаменатель для всех этих различных течений, или вывести что-либо определенное и значащее под словом "гомеопатия". Одна из критических проблем настоящего обсуждения — старый фундаментальный вопрос, занимающий гомеопатов и их критиков с рождения гомеопатии: действительно ли гомеопатия это наука, и если да, то какая наука?

В настоящее время спектр ответов простирается от утверждения, что гомеопатия принадлежит к герметико-эзотерической традиции алхимии или шаманства, и было бы хорошо ей признать это и прекратить пытаться определять себя как естественнонаучную медицину (Вихман) до заявления, что гомеопатия является единственной формой медицины, способной не отставать от современного идеала науки в смысле априори ясного и математического знания (Фрэнcki). Между этими двумя полярными точками зрения могут быть найдены другие мнения: например, что будущая научно-доказательная гомеопатия могла бы совершить прорыв, чтобы быть признанной как наука, или точка зрения, что как практически-терапевтическая наука гомеопатия должна доказать свою ценность только практически, в индивидуальных случаях, и воздержаться от контролируемых клинических испытаний или им подобных исследований и т.д. Причина, почему проблема взаимоотношений между гомеопатией и наукой долговечна и так трудна для нормального разрешения, это то, что понятия, к которым всё сводят, имеют историю в сотни или тысячи лет и включают много традиций и значений. Поэтому нам кажется мудрым отступить и припомнить, что фактически означают и какими должны быть наука и гомеопатия.

Наука

"Наука" (греч. *epistéme*) — это, без сомнения, понятие, придуманное древними греками для обозначения рационально основанного знания. В доисторические времена во всех культурах были, грубо говоря, две линии распространения знания: одна была технической передачей практического опыта и ремесленничества, другая — интеллектуальной передачей религиозных идей и правил. В древнегреческой философии наука возникла как синтез двух традиций, ремесла и духовенства. Платон и Аристотель первыми попытались охватить все практические и теоретические вопросы и проблемы системой рациональных определений, выражений и заключений и, таким образом, объяснить их в разумной манере. Однако ведущие интересы познания в античности и Средневековье, в противоположность нынешним, относились к "что" и "для чего" всех наблюдаемых явлений, то есть к их онтологическому и телеологическому (целенаправленному) измерениям. При Аристотеле, всеобъемлющем и самом влиятельном мыслителе и исследователе Запада, наука заключалась в обеспечении понимания и раскрытия значимых структур и процессов в рамках вечного мирового порядка (хотя его определения и примеры, конечно, получены из ремесла и ежедневного опыта), достигая высшей точки в так называемом "theoría", удовлетворении видения сущности ради себя самой, что действительно считали высшей формой "práxis".

Западная система мышления сохранялась примерно в таком виде около 2000 лет, пока крупные политические, религиозные, социальные и экономические изменения (Ренессанс, Реформация, открытие Америки) и новые интересы познания не разрушили ее основы. В противоположность античности, с XVII в. познание было нацелено почти исключительно на вопросы "как" и "каким образом", то есть на функциональное и причинное объяснение явлений. Фрэнсис Бэкон, Галилео Галилей и Исаак Ньютон создали предпосылки для появления всеобъемлющей новой науки с ее доминирующим интересом в управлении естественными процессами и объектами. Это было сформулировано в XVII в. Фрэнсисом Бэконом в его выражении "Знания — сила", Рене Декартом в изречении "Знание — чтобы сделать нас господами и хозяевами природы", или Томасом Гоббсом, который написал в "Левиафане": "Знать вещь означает знать, что мы можем сделать с ней, когда мы имеем ее". Как следствие этого, делалось все больше попыток объяснить и процессы жизни в математических и физических-химических терминах или через принципы механики. Эта новая форма редуцированной науки достигла раннего пика в XVIII в. (1748) в книге Меттри "Человек-машина". Если математика была ведущей наукой XVII в. (Декарт, Лейбниц, Ньютон), то она была заменена физикой в XVIII в. (Ньютон, Гюйгенс), химией в XIX в. (Дальтон, Либих) и биологией в XX в. (Уотсон и Крик, Эйген, Эклс).

До начала Нового времени науку считали систематическим однородным подходом к различным объектам. Классический канон образования *Artes liberales* (свободные искусства) включал определенные предметы, такие как грамматика, диалектика и риторика (тривиум), арифметика, геометрия, астрономия и гармоника (квадривиум), а также университетские факультеты богословия, медицины, юриспруденции. Однако влекущий за собой серьезные последствия раскол науки на гуманитарные и естественные дисциплины не происходил до XVIII-XIX вв.

В своем "Novum Organon" (1620) Фрэнсис Бэкон, чтобы уверить в контроле над природой, уже пропагандировал ограничение на познание, достигнутое индуктивно, через эксперимент и опыт. Однако само слово "естествознание" можно найти лишь с 1703 г. В 1786 г. Кант провел различие между "историческим" и "рациональным" ("недолжное" и "должное") естествознанием; для него исторической была только "историческая доктрина природы", "содержащая лишь систематически упорядоченные факты естественных вещей", а рациональным — "законы природы, образующие ее основу, и должны быть признаны априори".

В медицинском мире новая форма исследования, основанная на естественнонаучной методологии и экспериментах на животных, приобрела особое значение после конца натурфилософии. В частности, Клод Бернар (1813—1878) сжал заявление Декарта о сведении к законам механики всех явлений, встречающихся у животных, до постулата об исключительной интерпретации живых организмов как физически и химически определенных образований. Опираясь на Канта, для которого "в каждой доктрине природы можно найти столько реальной науки, сколько в ней может быть найдено математики", Дюбуа-Раймон в 1872 г. сменил этот тезис, заменив "математику" "механикой атомов": "Естественнонаучное познание физического мира с помощью и в смысле теоретической науки прослеживается от изменения в физическом мире до движения атомов (...) или решением естественных процессов в механике атомов".

Таким образом, естественнонаучное мышление существует лишь несколько столетий, а в медицине, по большому счету, лишь около 150 лет. Однако, как это показывает намного более долгая культурная история медицины, ученые и доктора мыслили рационально задолго до "изобретения" естественных наук, только делали они это по-другому. Естественная научность может быть поэтому понята как определенная, относительно поздняя и специальная форма рациональности, а не как нечто другое. Об этом надо вспоминать, когда приходит время выступать против некорректно сформулированных вопросов, вроде: "Была ли гомеопатия доказана с естественнонаучной точки зрения?" или "Была ли гомеопатия с естественнонаучной точки зрения опровергнута?". Если окажется, что гомеопатия и естествознание, развившиеся в приблизительно одно время, в критически важных своих положениях не только подобны, но и принципиально различаются, то нельзя ожидать, что их утверждения или концептуальные поля просто совпадают или могут быть переведены друг в друга один к одному. Однако, поскольку полезность или ее отсутствие в принципах той или иной медицинской системы не могут быть оценены в другой системе координат, возражение о непереводе спорных категорий по естественнонаучному образцу еще не аргумент против этого. Уже на основе этого краткого исторического резюме можно понять, что естественнонаучная недоказуемость не то же самое, что простая нелогичность.

Естествознание

Прежде всего, тем не менее, нужно рассмотреть, какого вида рациональность естествознания является собой наука, как и каким способом она представляет себе мир, жизнь и человека.

Согласно идеализированной собственной концепции его представителей,

естественнонаучный метод состоит из повторных циклов наблюдения, установления гипотез, создания предсказаний и испытания их в экспериментах, верификации или фальсификации и т.д. Однако решающим и симптоматичным для современного естественнонаучного пути восприятия мира является систематическое ограничение наблюдений тем, что является измеримым точно, то есть тем, что может быть определено количественно и воспроизведено. Таким образом, в естественных науках, особенно в физике, существуют главным образом только измеренные величины, а для отношений их между собой ищут и разрабатывают математические формулы и уравнения. Поэтому мир физики состоит не из людей, животных или растений, зданий, столов или чашек, не говоря уже об идеях и ценностях, или даже болезнях, которые могут быть вылечены, а исключительно из масс (инерции), силы, полей, волн, импульсов, угловых моментов, энергии, координат пространства и времени и т.д., и их математических отношений.

Вопреки общему убеждению, даже термин "материя" не может быть выведен из одной лишь физики. Для специалиста в философии науки Вольфганга Штегмюллера (ныне покойного) тот факт, что термин "материя" является наиболее озадачивающим в науке, хотя каждый считает, что ему известно его значение, было "остроумием с лестницы XX века". Вопреки логике нашего бытового языка, где каждое суждение о признаке должно быть соотнесено с соответствующей вещью, физика, похоже, обходится без "материального основания" или "носителя изменения признаков" соответственно. Например, в физической теории поля не имеет значения, говорят ли о создающих поле массах или рассматривают частицы просто как узлы или особые точки поля. Из-за относительного характера физических уравнений как для классической электродинамики, так и для квантовой теории есть логически эквивалентные формулы, которые сосредоточены или на понятии частицы, или на понятии поля. Таким образом, физика описывает не физический мир вокруг нас вообще, а стилизованный искусственный мир.

Тем более удивительно, что наше современное сознание (от нашего космологического представления о Вселенной и светского воззрения на человечество до систем образования и здравоохранения, и, наконец, до современной медицины), однако, наиболее затронуто естествознанием, и по этой причине считается обоснованным. Материалисты только притворяются верящими в то, что может быть доказано согласно закону физики и математики; студенты-медики более не должны обязательно сдавать "examen philosophicum", как это было в XIX в., вместо которого у них теперь "examen physicum", а молекулярные биологи, теоретики самоорганизации и исследователи хаоса продолжают демонстрировать, как жизнь, культура и религия, а также наше поведение, наши эмоции и наше мышление могут быть исследованы и объяснены естественнонаучным путем. Создается впечатление, что современные натуралисты ощущают себя, во-первых, ответственными за все области нашего существования; во-вторых, способными охватить разумом все в нашем живом мире; и в-третьих, компетентными вынести окончательное суждение. Иногда все с тем же предварительным условием непременно соответствовать надменным требованиям естествознания, естественнонаучно ориентированные доктора занимаются гомеопатией, которую они на основе полученных данных об отдельных параметрах сваливают в одну кучу с данными, собранными из других видов лечения, не принимая во внимание их отличительные особенности.

Достаточно странно, что сегодня едва ли замечают серьезное различие между сущностью объекта (или самого объекта) и данными отдельных измерений этого объекта. Немецкий язык охватывает это различие посредством терминов "physische" (физическое) и "physikalische" (телесное), в то время как в английском языке оба понятия выражены одним словом "physical". Очевидно, это уравнивание в правах, которое даже защищают некоторые современные философы, основано на убеждении, что физическое (телесное) вокруг нас (автомобили, животные, растения и т.д.) является именно тем, что исследует и кратко определяет физика. Следовательно, наука была бы только продолжением наших каждодневных взглядов, а "физическим" будет "телесное", которое еще не определено. Аналогично этому предполагается, что приборы (такие как микроскопы или телескопы) только расширили и очистили бы наше обычное восприятие. Таким образом, ученый наблюдает тот же мир, что и человек с улицы, но только точнее и детальнее.

Эти заявления, однако, игнорируют тот факт, что наблюдая через сканирующий микроскоп, можно действительно видеть молекулы, но не столы, камни, облака или реки. Но более серьезной, чем это отсутствие непрерывности в восприятии, является отсутствие непрерывности в способе описания. В то время, как мы описываем автомобили, животных и растения на естественном языке, мы описываем, например, результат экспериментов по рассеянию на теоретическом, формализованном языке математики, которая имеет совершенно иные особенности, отличные от естественного языка. Однако между естественными и формальными языками нет никакого континуума, взамен есть четкий промежуток, поясняющий различие между "физическим" и "телесным" объектом. Когда физик описывает свои объекты посредством дифференциальных уравнений, они — математические функции, которые отображают экстенсивно определенные формы, то есть это математические отношения. Но здесь ничто из соотнесенного не отличается как что-то онтологически

подлинное, или как значительная сущность, как это имеет место в естественном языке, где предикат всегда имеет отношение к предмету и поддерживает его признак. Именно в этой способности опознавать что-то как что-то философы от Аристотеля до Стросона видели развивающую мир силу естественного языка.

Но если физика описывает не живой мир, окружающий нас, а вместо этого надуманный, искусственно построенный мир, и если, кроме того (из-за успеха естественных наук), гуманитарные науки находятся под огромным давлением, чтобы и они приняли естественнонаучный метод в своей области (см. историзм, бихевиоризм, экспериментальную психологию, социобиологию, когнитивистику и т.д.), уместно спросить, что случилось с нашим знакомым и живым миром, для которого естествознание, очевидно, не имеет никакого языка. Поскольку с XIX в. рациональность была помещена на один уровень с естественнонаучной объяснимостью, то короткие измерения элементарных аспектов жизни, таких как человеческие действия, чувства и размышления, и тем более, искусство, культура, вера, любовь и этика, или такие явления, как болезнь, здоровье и излечение, стали исчезать в серой зоне нелогичности и произвольности, для которой, в строгом смысле, не должно существовать никаких научных категорий. Эта утрата нашего мира, однако, является доморощенной, то есть она нанесена нами самим себе умственным сведением всех явлений жизни к количественно измеримым данным. Это можно продемонстрировать, взглянув на историю науки, возвращаясь ко времени, предшествовавшему так называемой научной революции XVII в., то есть к сравнительно гомогенному периоду в две тысячи лет, который был сформирован почти исключительно аристотелизмом.

Аристотель

Аристотеля вполне справедливо считают основателем "науки живого". Вопреки его учителю Платону, философия которого достигла кульминации в довольно статичной доктрине идей, предметом Аристотеля было объяснение движения (греч. *kinesis*) в его самом широком смысле, то есть не только перемещения из одного места в другое, но также становления и прохождения через что-либо, а также количественные и качественные изменения (греч. *alloiōsis*, *metabolé*). В качестве основных категорий для научной оценки этих явлений Аристотель использовал термины потенциальности (греч. *dynamis*, лат. *potentia*) и действительности (греч. *energeia*, лат. *actus*). Таким образом движение любого вида могло в общем пониматься как актуализация (реализация) потенциальной возможности. Аристотель намеренно задумал свою теорию настолько широко — вопреки современному естествознанию, которое только знает и наблюдает перемещения из А в В — что она могла быть применена к любому виду движения, к росту растения, а также к перемене чувств или смене времен года.

Укорененность Аристотеля в мире живых существ и его технико-практический подход к природе проявляют себя и в другом базовом термине, который он использует в своей физике, а именно "сущности" (греч. *ousia*, лат. *essentia*). Все живое, действительно существующее, может рассматриваться как составленное из своей материи (греч. *hylē*, лат. *materia*) и формы (греч. *morphē*, лат. *forma*). Материя и форма, однако, просто термины, которые не могут существовать независимо. Следовательно, вопреки современному материализму, неверно утверждать, что нечто подобное материи могло существовать само по себе, но что все, что мы когда-либо в состоянии наблюдать, понимать и воображать, всегда является чем-то, существом, и поэтому материей, которая уже была сформирована. Следуя этому, процесс становления (греч. *genēsis*) представляет собой переход от неясности (потенциальная возможность) первичной материи в ясность (действительность) формы и, таким образом, здесь имеется подобие перехода (*kinesis*) из небытия в бытие. Из этого, однако, может быть описан лишь такой его результат, который имеет бытие как форму.

Вопреки этому, в современной физике есть переходы лишь от одних определенных состояний к другим определенным состояниям. Здесь аристотелевской проблемы *kinesis* не существует вообще, и это является прямым следствием математической формулировки. Математические функции всегда объединяют определенные состояния друг с другом. Это причина, почему Аристотель исключил применение математики к *kinesis* (внимание!) — не из-за своего невежества в математике, а скорее из-за понимания ее ограниченности. "Ни один из математических объектов на самом деле не движется", — написал он в своем трактате о движении животных. Поэтому, чтобы охватить конкретное становление, Аристотель был вынужден оставить математику — несмотря на кажущееся "безвременье математических объектов" или особенно из-за него.

Это понятие движения, неопределимое математическим способом, могло стать уместным непосредственно в гомеопатии, когда полагают, что Аристотель аналогичным способом расценил переход здорового состояния человека к больному (и наоборот) как качественное изменение (*alloiōsis*), так, чтобы эта форма движения (*kinesis*) также была доступна для научного понимания посредством его категорий. Напротив, применяя категории естествознания, можно пробовать или описать

сложные процессы в виде заболевания или выздоровления на уровне перемещений молекул, или уклониться от использования таких терминов вообще. Следовательно, самое важное, что термин "исцеление" больше не существует в современных медицинских словарях, так как он уклоняется от естественнонаучной формы рациональности.

Другая категория науки Аристотеля, которая отвергается современным естествознанием, имеет важное значение для гомеопатии: целесообразность (телеология) всего бытия. Основываясь на принятом в греческом полисе способе живого мира ощущать себя и мир, а прежде всего на своем технико-практическом отношении к природе, Аристотель признал, что все сущее стремится к цели (греч. *télos*), однако в различной степени: от слепого стремления камня попасть в центр земли до неосознанного стремления животных к самосохранению и воспроизводству своей породы, и, наконец, к сознательному стремлению человека к счастью и мудрости.

В доктрине четырех причин Аристотеля причина цели (*causa finalis*) даже играет самую важную, ведущую роль, поскольку, как Аристотель объясняет примером дома, который обязан своим существованием точно таким же четырем причинам, без строителя-владельца (*causa finalis*) камни и балки (*causa materialis*) не были бы соединены мастерами (*causa efficiens*) в соответствии с планом архитектора (*causa formalis*).

В большинстве случаев определенная цель может быть достигнута различными средствами, и определенные средства могут служить различным целям (чтобы набрать вес, можно есть как сосиски, так и сыр; молотком можно забивать гвозди в стену и разбивать оконное стекло). Таким образом, вопреки причинному соединению причины и следствия, существуют случайные соотношения цели и средств (это означает, что могут быть и другие решения). В современной терминологии это "отношения многих со многими". Поэтому в телеологическом мышлении не может быть однозначности.

Телеология — форма "гипотетической необходимости" (греч. *anágke ex hypothéseos*), которая в корне отличается от "причинно-механистической" потребности. Например, чтобы пила функционировала как пила, она должна быть сделана из железа, но это не обязательно, потому что также подошел бы любой другой жесткий материал. Однако понимание назначения пилы позволяет считать железо подходящим материалом и сказать: если пила сделана из железа (а не из резины, воды или им подобного), она может или будет работать, если ничто ей не помешает.

Аристотель применил этот термин "гипотетической необходимости" к природе и отделил его от "механически" действующей необходимости, которой ограничена современная физика. Он полагал, что природа была зависима от истории и значения, начало которых может быть объяснено лишь знанием конца. Только из цели, которая выходит на первый план, и только в конце (когда это было понято), возможно будет судить, действительно ли причины и принципы имели смысл, и таким способом мы сможем "постичь" природу.

Так как телеологический взгляд на природу имеет не предсказательный (подобно современному естествознанию), а скорее реконструктивный характер, будущее, в строгом смысле, не может быть предсказано (как нельзя точно определить, высаживая дерево, какую форму оно примет), но, с другой стороны, термин "сущность" или "*ousía*" действительно позволяет удержание и спецификацию суждений о дальнейшем развитии предмета или процесса. Так как потенциальные возможности любого существа ограничены, то и его актуализация имеет место в пределах определенных границ (греч. *réras*), и они могут быть известны, как только будет проанализирована его сущность. Так же, как природе собаки свойственно лаять, а не петь, инженер знает, какие качества являются присущими определенному материалу, и то, как он может быть использован в силу этих качеств. Из этой перспективы даже "неосуществленные потенциальные возможности" вещества выполняют ясные критерии идентичности. Однако следует полагать, что можно знать о потенциальной возможности, только если это было понято ранее. Так, лишь те могут утверждать, что они умеют играть на фортепьяно, кто играл на фортепьяно ранее. Применительно к гомеопатии: то, что определенное средство способно что-то вызвать или вылечить, можно заявить лишь в том случае, когда препарат делал то же самое прежде, например, в прувинге. В этом отношении действительности Аристотеля всегда предшествуют потенциальные возможности.

Из многочисленных вдохновляющих мыслей Аристотеля должна быть избрана последняя, которая, вероятно, будет также интересна в гомеопатии. В отношении материи (*hýle*) форма (*morphé*), разумеется, есть производное; таким образом, последнее не может быть выведено из первого (например, нельзя определить использование компьютера, глядя на его провода, или использование лампочки, глядя на ее компоненты). С другой стороны, материя не только служит основой потенциальности для формы, но также и помехой. Объемность материи в сравнении с формой и факт, что она является неисчислимой и непредсказуемой — прекрасно

известный факт в ремесленничестве — это другая проблема, которую больше не рассматривают должным образом и понимают концептуально, соответственно сегодняшнему естествознанию. Вместо этого пытаются избавиться от проблемы, выбрасывая как хлам все детали, которые демонстрируют малейшее отклонение от predetermined стандарта, и заменяя их запчастями, которые должны быть настолько совершенны, насколько это возможно.

Поскольку представления естествознания так зафиксированы на исчисляемости материального, техногенные катастрофы приписывают человеческой ошибке, а не случайности материи и ее преимущественно резистентному характеру, даже когда реальной причиной, возможно, была изношенность кольцевого уплотнителя. Эта проблема могла бы также коснуться гомеопатов — соблазненные идеалами современного естествознания и верящие в исчисляемость материального мира, в случае, когда терапия терпит неудачу, они скорее обвинят себя, чем препарат, пациента или основные условия. Те, кто думает и действует в категориях Аристотеля, могли бы, однако, рассмотреть сопротивление или дисперсность материи как причину. Как принцип, гомеопаты должны приветствовать идею Аристотеля о неисчисляемости материи, так как это позволяет научно выражать и объяснять решающее различие между их практикой индивидуализации и теорией обобщения научной медицины.

Два вида науки

После этого экскурса в предысторию современной науки, фундаментальное различие между двумя прототипами науки становится очевидным.

— С одной стороны, аристотелева наука, которая выводит понятия, принципы и концепции из опыта самого человека в живом мире, воспринимаемого чувствами, и которая основывает свои объяснения различных естественных явлений и технических процессов на парадигме целенаправленного стремления и ручного производства средств в определенных целях.

— С другой стороны, современная наука, которая, руководствуясь светскими интересами управления природой, выборочно наблюдает и исследует только те аспекты мира, которые могут быть измерены и взвешены, и принесены в отношении друг с другом математически точным способом.

Ганеман жил и трудился почти точно на границе между этими двумя большими блоками традиций науки. Даже при том, что некоторые корни современного типа естествознания могут быть прослежены назад до XIII в. (Роджер Бэкон), экспериментирование, измерение и использование математики, чтобы изучить природу, стало новой научной парадигмой среди ученых только в XVII в., темой обсуждения среди широкой публики — лишь в XVIII в., и главной темой медицины — не ранее XIX в. С другой стороны, аристотелевы взгляды доминировали над обучением в университетах до XVIII-XIX вв., а на факультетах медицины во многих случаях они были в комбинации с галенизмом и гуморальной патологией — мишенями для критики Ганемана в течение всей его жизни. Эпоха Просвещения, в которую был рожден Ганеман, была исполнена стремительным движением вперед. В ней было ослепление несомненным успехом естествознания в технологии, сельском хозяйстве и экономике, а также вдохновленность верой в постоянный прогресс, призванный осветить многие еще не "освященные" области жизни, насколько это возможно рациональным способом (который с того времени означал прежде всего причинно-механический способ).

По аналогии с Ньютоном, основавшим современную физику как естествознание, Кант намеревался превратить метафизику в строго априорную науку, поэтому Ганеман считал своей задачей поднять медицину до позиции положительной науки, следуя этим двум образцам. Тогда, приблизительно в 1800 г., отнюдь не было ясно, что однажды "научная медицина" станет эквивалентной "естественнонаучной медицине", в сравнении с тем, как это ясно сегодня. Чрезмерный плюрализм отживающих систем, который сначала заставил Ганемана отчаяться в медицине, скорее отражал общую атмосферу переворота, который буквально призывал к новой единообразной парадигме. В этом Ганеман был очень прогрессивен для своего времени, когда в максимально возможной степени выбрал естественнонаучный метод, который полвека спустя фактически даровал медицине универсальную и единообразную парадигму, принятую сегодня во всем мире благодаря Рудольфу Вирхову, Роберту Коху и другим (клеточная патология, бактериология). Таким образом, Ганеман попытался основать свою новую доктрину терапии на критериях, которые, в итоге, стали стандартными только после его смерти.

Например, проводя прувинги препарата, он использовал здоровых людей, одиночные средства и строгие методические и диетические инструкции, очевидно, чтобы приблизить новый идеал естественнонаучного эксперимента, согласно которому только одна переменная (насколько гомогенной основы, насколько это возможно) должна быть изменена при постоянных основных состояниях, и результаты будут объяснены. Также эмпиризм, влиятельное течение мысли в то время, особенно в

Англии, позже ставший эталоном, к которому присоединился Ганеман, поскольку и он (в отношении прувинга препарата, сбора истории пациента и дальнейшего ведения на последующих его визитах) верил в возможность чистых, неоспоримых наблюдений только согласно естественнонаучной модели регистрации объективных измеряемых данных, используя технические устройства.

У Ганемана был научный идеал неизменяемых пространственно-временных законов природы, а потому и уверенность, и предсказуемость, когда он преобразовывал медицину. Это часто можно видеть в его работах; например, когда он заявляет, что гомеопатия однажды "приблизится по определенности к математическим наукам" ("Органон"-6, § 145, прим. 106; "Органон", 5-е изд., § 145, прим. 106: "уверенность"). То, что все еще отсутствует — точные "наблюдения" нескольких испытателей препарата — Ганеман продолжил в виде объяснения естественнонаучного метода индукции, другого в те дни прогрессивного метода, согласно которому универсальные законы должны быть получены из настолько многих индивидуальных наблюдений, настолько это возможно. Это был выбор нескольких научных элементов концепции рациональной терапии Ганемана. Но лишь одно это, однако, не делает и не будет достаточным для того, чтобы узаконить гомеопатию (иначе гомеопатию давно признали бы университеты и, соответственно, она стала бы господствующей медициной).

В целом система лечения Ганемана скорее скреплена рационализмом, мощной школой философии XVIII в., полагавшей, что мир основан на разуме, который человек посредством своего разума в состоянии признать. Это понятие разума, однако, не было ограничено естественнонаучными категориями, и таким образом могло сосредоточиться фактически на любой области жизни: природе, культуре, религии, антропологии, этике и т.д. Поскольку Ганеман также частично поддерживал эту традицию, которая, в свою очередь, была "осовремененным" видом учения Аристотеля, она все еще мог одновременно использовать понятия и модели аргументации, которые были несовместимы с естественнонаучным подходом, все более и более пропитывавшем медицину.

Понятия типа патогенетических или лекарственных "потенций" буквально демонстрируют аристотелеву категорию "потенциальной возможности" (лат. *potentia*), на которой они основаны, в то время как тот же смысл содержат и такие понятия, как "динамис" или "динамическое" на греческом языке (*dýnamis*). Понятие "жизненной силы" Ганемана, в свою очередь, кажется попыткой рационалистической версии аристотелевой энтелехии (греч. *entelecheia*, целенаправленное стремление существ), которое, вслед за физикой Ньютона, должно быть выражено в естественнонаучной терминологии, то есть в понятиях "силы". Принцип подобия также не соответствует естественнонаучному набору терминов, но он действительно соответствует аристотелевому схоластическому понятию аналогии и античному выводу по аналогии. Чтобы установить принцип подобия как единственно возможный и истинно целебный принцип, Ганеман был вынужден, в конечном счете, привлечь все доктрины рационализма (доброжелательный и мудрый Создатель, высокое духовное и моральное предназначение человечества), которые опять-таки основаны на аристотелевой доктрине телеологии.

Как показывают эти несколько примеров, гомеопатия имеет по крайней мере два корня, которые могут быть исторически прослежены в других традициях науки.

— С одной стороны, как практический врач, Ганеман все еще мог (во время подъема приблизительно в 1800 г.) привлечь в первую очередь практические категории живого мира греческой, латинской и арабской классики (аристотелизма);

— С другой стороны, как теоретик, Ганеман был уже захвачен импульсом превращения медицины в естествознание в смысле предсказуемого математического безопасного знания.

В этом отношении гомеопатия объединяет и прогрессивно-научные и традиционно-телеологические элементы в сложном сплетении, которое трудно распутать. Поэтому она восприимчива ко всем видам интерпретаций и "улучшений". Это фон нынешних дебатов о гомеопатии, которые вряд ли будут разрешены в ближайшем будущем.

Точка зрения истории науки

С точки зрения истории науки, прежде всего, нужно рассмотреть три положения:

1. Должно быть заявлено, что гомеопатия является практической деятельностью (греч. *práxis*) ради излечения больных людей. Ее успех в индивидуализированном лечении пациентов, ее распространение по всему миру и популярность говорят сами за себя. Придерживаясь метода, который структурирован и постижим согласно традиционным научным критериям, гомеопатия является практической наукой (по крайней мере, в классическом аристотелевом смысле). Понять и признать это сегодня все еще нелегко, поскольку мы слишком зациклены на естествознании. Однако это была бы прочная позиция. С другой стороны, можно только посоветовать отказаться

от искушения требовать большего от гомеопатии, чем позволяют ее принципы ("уверенность в излечении" и т.д.).

2. Заявление, что гомеопатия должна быть естествознанием в современном смысле понятия, может быть понято с точки зрения Ганемана, поскольку из-за общего оптимизма того времени в отношении прогресса, казалось невероятным, что использование естествознания принесет человечеству не только пользу, но также опасность и катастрофы. По крайней мере, сегодня оно кажется намного менее привлекательным, чем было ранее. Что, казалось, было прогрессивным и многообещающим в принципах естествознания в начале Нового времени, ныне, с точки зрения постмодернистской перспективы, стало жертвой деконструктивизма. Конструктивизм обвинил эмпиризм в наивности его иллюзий, аргументируя это, что каждое наблюдение в гораздо большей степени является домысливанием со стороны субъекта, нежели простым нейтральным восприятием объекта. Естественнаучный метод индукции и фальсификации был разоблачен как эгоцентричная идеология теоретиков науки, таких как Томас Кун или Пол Фейерабенд, тем более, что научное производство реального мира следует больше социальным и денежно-кредитным интересам, чем так называемым критериям установления истины. Концепция линейной причинной связи, исчислимости и предсказуемости мира, на которой основана физика Ньютона, была, наконец, помещена в перспективу исследования хаоса, с тем результатом, что самое большое, на что она может претендовать, это быть особым случаем (в искусственной закрытой системе) в пределах Вселенной нелинейных процессов. Как можно видеть, естествознание сегодня, если рассматривать его основу и последующее развитие, не избежало кризиса и критиков, и, возможно, больше не является лучшим союзником для врачей-холистов.

3. На фоне экологических катастроф и тревожных побочных эффектов лекарств, распространяемых конвенциональной медициной, наносимый в долгосрочной перспективе ущерб беспрепятственно господствующим над всеми областями жизни естествознанием, рассматривается все более критически. Следовательно, не только гомеопатия, но также и общество в целом стоит перед проблемой установления лучших, более уравновешенных отношений между естественнаучной теорией и жизненной практикой. Когда господство естественнаучных теорий в современном представлении мира и в наших действиях будет яснее связываться с опасностью физических, психологических и умственных потерь, наш нагруженный теориями подход к миру потребует противовеса в виде дополнительных подходов, которые придадут жизненной практике большее значение.

Например, каков есть человек, преподаватель или гомеопат, мы знаем лучше всего и наиболее глубоко, когда мы сами, через собственную практику, понимаем сущность и в состоянии заниматься этим и, если возможно, воспринимать это в научных терминах. Напротив, теоретическая физика не понимает ничего из практического и живого, и фактически не может даже сказать, что такое материя. Следовательно, мы не можем ожидать, что она или ориентирующееся на физику естествознание когда-либо объяснят сущность гомеопатии или подобных ей методов. Но стоит только уяснить, что занятие наукой — самостоятельная человеческая деятельность, которая всегда предполагает наличие человека (которого она пытается постичь) и его практической деятельности, тогда будет сделан первый шаг к переопределению статуса естественнаучной теории в нашей жизни, а также в медицине.

В этом контексте жизненные практические категории, как представлено в "науке живого" Аристотеля, могут в будущем неожиданно приобрести значение. От этого, по моему мнению, гомеопатия могла бы извлечь только пользу.